

УДК 81'42:130.2.

ДИСКУРС КАК КОД КУЛЬТУРЫ И РЕПРЕЗЕНТАНТА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Буянова Л. Ю.

Кубанский государственный университет, Кубань

В статье рассматривается проблема интерпретации дискурса как уникального кода языковой личности, как её репрезентанта. Определяются корреляции с понятиями текста и речи; предлагается социокультурная трактовка дискурса как коммуникативно-личностного феномена; анализируются отечественные и зарубежные теории дискурса. Показывается ситуативно-коммуникативная и жанровая многоплановость феномена дискурса; репрезентируется культурная аспектность вербально-семиотического пространства языковой личности, актуализируемого в дискурсе; дискурс как код культуры и социального взаимодействия определяется как мощнейший фактор эволюции речевого/языкового семиозиса.

Ключевые слова: репрезентанта личности; языковая личность; категория персональности; ключевой код культуры; семиотика дискурса; ценности дискурса.

Постановка проблемы. В отечественной науке о языке в качестве исходных единиц при определении дискурса в собственно лингвистическом смысле этого термина выступают понятия речи и текста. Релевантны те свойства дискурса, которые отличают его от родовых понятий «речь» и «текст» и изучаются особыми междисциплинарными направлениями лингвистики – теорией дискурса, дискурс[ив]ным анализом или дискурс[ив]ными исследованиями.

Динамичность, или процессуальность, дискурса отмечается большинством исследователей как характеристика, отличающая дискурс от текста, определяемого преимущественно как статичный объект; при этом под динамичностью подразумевается развёртывание речи во времени и локализация её в пространстве между собеседниками. Именно включённость речи в пространственно-временной континуум и наличие языковой личности – субъекта / адресата речи (т. е. деятеля) характеризует её как действие, процесс. В аспекте процессуальности дискурс изучается также с точки зрения длительности его протекания, прерывности / непрерывности, повторяемости, локальной и темпоральной дистанции между собеседниками (ср., например, эпистолярный дискурс) и др.

Локальная и темпоральная прикреплённость, как признаки, производные от процессуальности, паспортизируют дискурс, отмечая (более или менее точно) время и место его осуществления. Соответствие одного другому и обоих реализуемому в них тексту суть неперенные условия состоятельности дискурса.

Коммуникативность дискурса как его онтологическое свойство связана с установкой на общение, то есть с интенцией говорящего передать определенную информацию и получить на нее соответствующий отклик, а также интенцией слушающего эту информацию адекватно воспринять. Всеми возможными видами речевого общения – устное и письменное, прямое и не прямое, непосредственное и опосредованное временем, пространством, техническими средствами; цели общения и

отвечающие им средства его осуществления, речевые стратегии и тактики, причины коммуникативных неудач – этими и многими другими проблемами занимаются исследователи коммуникативных свойств дискурса в рамках таких направлений современной лингвистики, как теория речевого общения, коммуникативистика, лингвоконцептология, текстология, риторика, когнитивная лингвистика [см. 2–8; 10; 12 и др.].

Под **персонифицированностью** дискурса имеется в виду личностный статус собеседников, даже в том случае, если один из них или оба они являются массовыми (ср., например, телевизионная игра КВН как дискурс). Категория участников общения признаётся важнейшей составляющей дискурса, поскольку именно они выступают активными создателями текста, ими же в определённой степени задается и ситуация общения, т. е. формируется сам дискурс. Это свойство дискурса связано с понятийной категорией персональности, означающей соотнесение участников действия с участниками речевого акта. Известно, что понятийную категорию персональности иногда относят одновременно к акциональным (в грамматическом выражении – глагольным, предикативным) и к предметным (выражаемым существительным) категориям [15, с. 385].

Представление об индивидуальном характере всякого использования языка, о неповторимости каждой языковой личности получило развитие ещё в конце XIX – начале XX в. в трудах Бодуэна де Куртенэ и Карла Фосслера. Многие современные исследователи, строя деятельностную концепцию языка, прежде всего отмечают его **личностную** основу, акцентируя либо психологическую, либо социологическую ее составляющую: «...наша языковая деятельность – то, как мы взаимодействуем через язык со своими собственными мыслями и мыслями других людей, – всегда индивидуальна, всегда пропитана неповторимыми чертами характера, памяти, воззрений, интеллектуальных и эмоциональных состояний каждого говорящего как личности» [9, с. 18–19].

Социальным отношениям между участниками коммуникации также посвящено целое направление в теории дискурса, активно разрабатываемое в последние годы. Необходимость учитывать личностный статус участников коммуникативного действия привлекает внимание исследователей не только к психологическим и социальным типам говорящих, но и к распределению и смене коммуникативных ролей в процессе разговора, к проблеме выбора оптимальных для данных собеседников речевых стратегий и тактик, к специальному исследованию зоны понимания / непонимания речи. Так, например, Е. Е. Силантьева, изучая взаимопонимание как особую категорию речевого общения, выдвигает гипотезу «о существовании в разговорной речи особой системы самонастраивающихся средств, образующих механизм “самонастройки”, который позволяет избежать сбоев в передаче и восприятии информации, и выделяет особую единицу этого механизма “актуалему”, охватывающую зону выхода и входа информации – “зону взаимопонимания”» [17, с. 49].

Для терминоведения всё более актуальной является проблема исследования термина в границах **научного дискурса**. По определению В. И. Карасика, «научный дискурс традиционно привлекает к себе внимание лингвистов. Участниками научного дискурса являются исследователи как представители научной общественности,

при этом характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям... Ценности научного дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах (истина, знание, исследование), сводятся к признанию познаваемости мира, к необходимости умножать знания и доказывать их объективность, к уважению к фактам, к беспристрастности в поисках истины... к высокой оценке точности в формулировках и ясности мышления» [13, с. 12–14]. Ведущая роль в поисках истины и в безграничных процессах познания отводится именно **Термину** – ментально-логическому, лингвокогнитивному системообразующему элементу **Логоса**.

Свойство **ситуативной обусловленности** дискурса означает зависимость речи от условий её протекания и даже большую или меньшую степень её выводимости из этих условий. Речевая ситуация предопределяет и оформление речи (ср. краткость телеграфного дискурса, громкость и чёткость армейских команд и т. д.), и, в известной степени, её содержание. Варьирование средств и способов передачи определенного содержания в разных ситуациях общения – главная задача ситуативного аспекта дискурсивных исследований. Так, например, приемлемость дискурса в качестве полноправной коммуникативной единицы может определяться, по мнению С. В. Сидоркова, целым рядом факторов: его уместностью (востребованностью), новизной сообщаемой информации, её способностью удовлетворить интерес собеседников и т. д. [16].

Коннотативностью дискурса (или **прагматичностью** в узком смысле термина) называют его насыщенность эмоциональными, экспрессивными, оценочными, образными, фоновыми, стилистическими, паралингвистическими и другими элементами смысла, наслаивающимися на основное, выраженное в языковых единицах содержание речи [15, с. 236]. В формировании общей тональности дискурса, помимо коннотативных языковых и паралингвистических средств, могут участвовать и такие текстообразующие факторы, как коммуникативный замысел, тематическое содержание, способ коммуникации, субъектно-адресатные отношения участников коммуникации и т. д., формирующие общий прагматический контекст.

Социальная и культурологическая обусловленность дискурса акцентирует его зависимость от социокультурного контекста, в котором дискурс формируется и протекает. Исследования этого свойства дискурса нацелены на обнаружение в нём способов выражения оценки действительности коллективным сознанием членов определённой лингвокультурной общности.

В отечественной лингвистике сегодня активно исследуется такой вид дискурса, как **масс-медиаальный**. Учёные выделяют общие характеристики масс-медиаального дискурса – его информативность и суггестивность. Так, М. Р. Желтухина исследует жанровые особенности масс-медиаальных дискурсов и их когнитивную организацию [11, с. 87–89]. Когнитивные методы, по её мнению, позволяют «выделить два блока факторов, оказывающих влияние на воспринимаемую адресатом информацию: факторы, связанные с адресантом (личностный, информационно-технический и др.), и факторы, связанные с адресатом (личностный, мировоззренческий, культурный, на-

циональный, религиозный, возрастной, гендерный, социальный, политико-экономический и др.» [11, с. 30–31]. Автор отмечает влияние когнитивной установки на активизацию информации по той или иной теме.

Проблему жанровой особенности **политического дискурса** рассматривает Е. И. Шейгал [20], выделяющая три возможных подхода к её изучению – дескриптивный (риторический анализ языкового поведения политиков), критический (выявление социального неравенства, выраженного в тексте) и когнитивный (анализ фреймов и концептов политического дискурса). Автор ранжирует жанры политического дискурса, при этом политическая реклама определяется как гибридный жанр **политического и рекламного дискурсов**, для каждого из которых характерно резкое сужение тематики, упрощённость в подаче проблемы, употребление ключевых слов, простых, но выразительных образов, повторение лозунгов, тавтологичность. Кроме пересечения с рекламным, политический дискурс может сопрягаться с **религиозным**, когда сознание мифологизируется через веру в магию слова и признание божественной роли лидера, при этом используются приёмы манипулятивного воздействия и ритуалы. В качестве системообразующих признаков политического дискурса выделяются: институциональность, специфическая информативность, смысловая неопределённость, фантомность, фидеистичность, эзотеричность, особая роль фактора масс-медиа, дистанцированность, авторитарность, театральность, динамичность. Все эти признаки можно измерять с помощью шкал [20, с. 73].

Г. П. Бурова первой из отечественных лингвистов исследовала и ввела в научную дискурсивную парадигму новый вид дискурса – **фармацевтический**, интерпретируя его как один из ключевых кодов культуры: «Фармацевтический дискурс (ФД) в типологическом отношении выступает разновидностью институционального общения, важнейшей целью которого является ориентация сознания человека и социального менталитета на здоровье как базовую ценность жизни и бытия человека. Ценности ФД аккумулированы в его ключевых концептах “Жизнь”, “Здоровье”, а также “Фармация”, “Аптека”, “Лекарство”, “Лекарственное средство” (ЛС). Фармацевтический дискурс представляет собой функционально, вербально-семиотически и прагматически специализированную сферу научно-профессиональной и социально-культурной коммуникации, объективированную тематически взаимосвязанными текстами предметной области “Фармация”, выступающими артефактом культуры» [1, с. 6].

Налоговый дискурс как предмет лингвистического исследования обнаруживает все характерные для семиотического образования свойства и признаки. Его специфику составляют сферы референции комплексного знака. С одной стороны, – отношение к экономическим и юридически-правовым взаимоотношениям, стратумам в обществе, с другой – к сознанию людей, воспринимающих налогово-правовые тексты как апелляцию к действиям, с третьей, – к культурным традициям и нормам дискурсивных практик. Поэтому сами свойства этого дискурсивного объекта задают такой методологический подход к его изучению, как интегративный.

Интегративная аспектность налогового дискурса как семиотического объекта предполагает, в свою очередь, его лингвосомиотический анализ. При сопоставлении *налогового дискурса* с *политическим* обнаруживаются серьёзные дифференцирую-

шие особенности этих двух семиотических объектов как в сфере жанровой специфики, так и в сфере вербальной репрезентации их основных элементов.

Обобщив различные трактовки дискурса в отечественном и зарубежном языкознании, В. Е. Чернявская делает вывод, что обычно под дискурсом понимают следующие феномены: 1) «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определённом когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» и 2) «совокупность тематически соотнесенных текстов» [19, с. 14, 16].

При изучении **юридического дискурса** Л. В. Колесникова обращает внимание на то, что юридический дискурс – это такая **модель** (форма) использования языка в реальном времени, которая отражает правовой тип социальной активности личности, детерминированный исторически и взаимосвязанный с уровнем цивилизационного и культурного развития социума. Юридическая дискурсивная деятельность имеет специализированный характер, а язык права выступает компонентом определённой социальной деятельности людей. В юридическом дискурсе как **коммуникативном событии** объективируется специфика юридического профессионального мышления, что обуславливает формирование таких его качеств и свойств, как интеракциональность, адресность, адресатность, интенциональность, аргументативность, терминологичность, прагматичность, информативность, интерпретируемость [14].

При исследовании **фармацевтического дискурса** как кода культуры Г. П. Бурова приходит к следующему убеждению: «Метаязыком фармацевтического дискурса является латынь, максимально полно реализуясь в таком жанре ФД, как рецепт на лекарственный препарат. Именно латынь выступает отличительным семиотическим маркером фармацевтического дискурса. Латинский язык выступает метаязыком массива медико-фармацевтических текстов, отобранных по существенному качественному признаку, имеющему прагматический характер, так как латынь, в качестве специализированной семиотической системы, призвана обслуживать и формировать понятийно-терминологический аппарат конкретной сферы человеческой деятельности – фармации» [1, с. 29].

По нашим наблюдениям, существуют определённые различия в определении дискурса в отечественной и зарубежной, особенно западной, лингвистике. Оригинальную концепцию дискурс-анализа разработали Л. Дж. Филлипс и Марианне В. Йоргенсен [18], ведущие специалисты Дании и Швеции в области исследования коммуникации как социального процесса. В работе «Дискурс-анализ. Теория и метод» учёные представляют свой оригинальный взгляд на проблему дискурса, отмечая, что «существование и развитие дискурсов – отнюдь не безобидное явление. Оно имеет большие социальные последствия, свидетелями которых мы являемся сегодня... Дискурсы влияют на социальные, культурные и глобальные изменения – экологические катастрофы, войны, смены политического курса» [18, с. 11]. В работе даётся такое определение дискурса: это «особый способ общения и понимания окружающего мира (или какого-то аспекта мира)» [18, с. 15] (*выделено нами. – Л. Б.*).

Интересной представляется теория дискурса Лакло и Муффа, разработавших её на основе деконструкции других теорий. Авторы новой оригинальной концепции считают, что вся социальная сфера представляет собой некую паутину процессов, в

которых создаётся значение. Продолжая традиции постструктуралистского критического анализа, они дают несколько дефиниций дискурса, определяя его и как «*всё структурное единство*, появившееся в результате артикуляционной практики» [23, с. 105], и как «*совокупность фиксированных значений в пределах специфической области*» [23] (*выделено нами. – Л. Б.*). Для исследования налогового дискурса имеет определённое практическое значение мысль учёных о том, что дискурс формируется как единое целое, в котором каждый знак зафиксирован как момент, посредством отношений к другим знакам (как в рыболовной сети). Дискурс – это сокращение возможностей [23].

Исследуя общетеоретические проблемы интерпретации и параметрирования дискурса в теории языка, нужно упомянуть и концепцию Фэркло и Уодака [22], которые утверждают, что «именно посредством дискурсов повседневной жизни (процессов создания текстов и их потребления) воспроизводятся и изменяются социум и культура... Дискурс включает не только письменную и разговорную речь, но также и визуальные образы» [22, с. 274]. В рамках трёхмерной модели дискурса Фэркло [21] дискурс рассматривается как разновидность языка, используемого в пределах определённой области, например, *политический* или *научный* дискурс. Кроме того, в другом значении этого понятия дискурс относится к способу говорения, который придаёт значение жизненному опыту, основанному на определённой точке зрения. Опираясь на такое понимание дискурса, исследователь выделяет феминистский дискурс, нео-либеральный дискурс, дискурс потребителя, дискурс защитника окружающей среды [21].

Выводы. В лингвистике дискурс чаще всего интерпретируется как сложное многофакторное *речевербальное* явление, включающее участников коммуникации, ситуацию общения и текст. Дискурс – это абстрактное инвариантное описание структурно-семантических признаков, реализуемых в конкретных текстах. По мнению исследователей, идеалом, к которому следует стремиться в процессе коммуникации, является максимальное соответствие между дискурсом как абстрактной системой правил и дискурсом (или текстом) как конкретным вербальным воплощением данных правил.

Список литературы

1. Бурова Г. П. Фармацевтический дискурс как культурный код: семиотические, прагматические и концептуальные основания : автореф. дис. на соискание учёной степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Г. П. Бурова. – Ставрополь, 2008. – 44 с.
2. Буянова Л. Ю. Художественный дискурс: функционально-прагматическая перспектива / Л. Ю. Буянова // Проблемы общего и сравнительно-исторического языкознания. – Ростов-на-Дону : РГУ, 1997.
3. Буянова Л. Ю. Художественный дискурс: аспект эволюции / Л. Ю. Буянова // Современные проблемы школьной и вузовской педагогики. – М. – Краснодар, 1998. – С. 12–16.
4. Буянова Л. Ю. Поэтический дискурс как метaprостранство лингвопроекции языковой личности / Л. Ю. Буянова // Категориальные субстанции языковых реалий: Природа. Общество. Человек. Вестник Южно-российского отделения МАН ВШ. № 1(11). – Краснодар : Краснодарские известия, 1998. – С. 14–26.
5. Буянова Л. Ю. Художественный дискурс: границы семиотического пространства / Л. Ю. Буянова // Язык в мире и мир в языке : [мат-лы Международн. науч. конфер.]. – Карлсруэ; Краснодар, 2001. – С. 11–16.

6. Буюнова Л. Ю. Юридический дискурс как социально-регулятивная область: особенности формирования концептуальной структуры / Л. Ю. Буюнова, А. В. Кобзарь // Дискурс: Концептуальные признаки и особенности их осмысления. – Вып. 3. – Краснодар : КубГУ, 2008. – С. 31–36.
7. Ворожбитова А. А. Лингвориторика дискурса: в поисках универсалий / А. А. Ворожбитова // Лингвопозитика. Лингвостилистика. Лингвориторика. Русский Филологический вестник. – Вып. 3. – 1999. – С. 31–36.
8. Ворожбитова А. А. Кризисная гиперавтокоммуникация как лингвориторический феномен / А. А. Ворожбитова // Текст. Дискурс. Коммуникация ; [под ред. Е. Н. Рядчиковой]. – Краснодар, 2003. – С. 191–221.
9. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования : [монография] / Б. М. Гаспаров. – М. : «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.
10. Гойхман О. Я. Основы речевой коммуникации : [учебник для вузов] / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. – М., 1997. – 272 с.
11. Желтухина М. Р. Воздействие масс-медиа на избирательную кампанию / М. Р. Желтухина // Политический дискурс в России: Политик в интеллектуальном контексте эпохи. – М., 2002. – С. 29–42.
12. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : [монография] / О. С. Иссерс. – Омск, 1999. – 284 с.
13. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000.
14. Колесникова Л. В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности (на материале предметно-терминологической области «Международное частное право») : автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Л. В. Колесникова. – Ставрополь, 2007. – 19 с.
15. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / [под ред. В. Н. Ярцевой]. – М., 1990.
16. Сидорков С. В. Уровни организации смысловой структуры текста / С. В. Сидорков // Семантическая организация и интерпретация дискурса. – Майкоп, 2002. – С. 18–28.
17. Силантьева Е. Е. Особенности взаимопонимания в условиях речевого общения / Е. Е. Силантьева // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века : [сб. ст. в честь проф. С. Г. Ильенко]. – СПб., 1998. – С. 46–51.
18. Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен ; [пер. с англ.]. – Хельсинки : Изд-во Гуманитарный центр, 2004.
19. Чернявская Е. В. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. – СПб., 2001.
20. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : [монография] / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.
21. Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities / N. Fairclough // Discourse and Society. № 4 (2), 1993. P. 68–133.
22. Fairclough N. Critical discourse analysis / N. Fairclough, R. Wodak // Discourse as Social Interaction: Discourse Studies. – Vol. 2. – London : Sage, 1997.
23. Laclay E. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclay, C. Mouffe. – London : Verso, 1985.

Буюнова Л. Ю. Дискурс як код культури і репрезентанта мовної особистості / Л. Ю. Буюнова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 4, ч. 2. – С. 18–25.

У статті розглядається проблема інтерпретації дискурсу як унікального коду мовної особистості, як її репрезентанта. Визначаються кореляції з поняттями тексту й мови; пропонується соціокультурне трактування дискурсу як комунікативно-особистісного феномену; аналізуються вітчизняні та закордонні теорії дискурсу. Відображено ситуативно-комунікативна і жанрова багатоплановість феномену дискурсу; репрезентується культурна аспективість вербально-семіотичного простору мовної особистості, яке актуалізується в дискурсі; дискурс як код культури і соціальної взаємодії визначається як наймогутніший фактор еволюції мовного семіозису.

Ключові слова: репрезентанта особистості, мовна особистість, категорія персональності, ключовий код культури, семіотика дискурсу, цінності дискурсу.

Bujanova L. Discourse as a cultural code and representative of a linguistic personality / L. Bujanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 4, part 2. – P. 18–25.

The article deals with the problem of interpretation of discourse as a unique code of a linguistic personality, as its representation. The author of the article defines the correlation with the notions of a text and speech, suggests the socio-cultural interpretation of discourse as a communicative and personality phenomenon and analyzes domestic and foreign discourse theories. The paper shows genre, situational and communicative diversity of discourse phenomenon, represents cultural aspect of a linguistic personality's verbal and semiotic space that is actualized in discourse. Discourse as a code of cultural and social interaction is defined as the most intense factor of evolution of speech/language semiosis.

Key words: personality representation, linguistic personality, category of personality, key code of culture, discourse semiotics, values of discourse.

Поступила в редакцию 19.11.2013 г.